Телефон на кровати издал звук вибрации, и красивая белая рука подняла трубку и нажала на показавшееся сообщение. Прочитав сообщение о местонахождении Хэ Сянь Яна за последние два дня, Чан Мань Цзин небрежно откинула волосы и также небрежно удалила сообщение. После выхода из интерфейса сообщений на обоях появился маленький человечек в красной юбке. За его волосами хорошо ухаживали, челка была пострижена, худое лицо и глаза стали больше после того, как он подстриг длинные волосы. Он выглядел так мило. На его лице не было улыбки, но была какая-то странная привлекательность. Единственный изъяном в его красоте был шрам от угла правого глаза до изгиба брови, уничтожавший слабый и тонкий темперамент. Шрамы на разных людях могут отражать очень разные чувства. У мальчика этого возраста было такое хорошее лицо благодаря генам его родителей. Даже если был в женской юбке, он не выказывал чувства непослушания.

На лице Чан Мань Цзин появилась слабая улыбка, и она ткнула худое лицо на обоях. Хэ Вэй Мин действительно был послушным. Он не сопротивлялся тому, что она просила его сделать. Что было ещё более удивительно, так это то, что даже она не могла сказать, хотел он этого или нет. Искушение Чан Мань Цзин было бесполезным, потому что Хэ Вэй Мин был как ребенок, который не сопротивлялся.

Прежде чем он покажет свои острые когти, она, по крайней мере, ещё долго сможет ценить этот хорошо воспитанный вид.

"Эй", - в дверь постучали, и снаружи двери раздался нежный голос Хэ Сянь Яна: "Мань Цзин, ты спишь?"

Улыбка на лице Чан Мань Цзин исчезла. Она некоторое время постояла у кровати, а затем взяла с полки книгу и открыла дверь.

"Что такое?"

Хэ Сянь Ян увидел за дверью Чан Мань Цзин, одетую в ночную рубашку. Её волосы были влажными и его глаза потемнели. Чан Мань Цзин была действительно прекрасной женщиной, но было жаль, что Хэ Сянь Яну нравились нежные и слабые женщины, которым нужно было зависеть от него в жизни. Внешность Чан Мань Цзин соответствовала его вкусу, но, к сожалению, она была слишком высокомерной и сильной, чтобы её могли полностью контролировать другие.

"В последнее время компания была загружена. Мы давно не спали вместе. Пойдем сегодня поспим вместе и немного поболтаем", - Хэ Сянь Ян придержал дверь и с улыбкой посмотрел на Чан Мань Цзин, и по мере его приближения его голос становился все тише и тише. У них двоих были свои комнаты. После совместного сна в период молодоженов они постепенно разделились в две комнаты. Сначала это было потому, что Хэ Сянь Ян сказал, что занят работой. Ему часто приходилось приносить работу домой, и он не спал до полуночи. Опасаясь, что это может помешать отдыху Чан Мань Цзин, они разошлись в разные комнаты и спали вместе лишь изредка.

Но теперь Чан Мань Цзин вообще не могла спать с этим отвратительным человеком.

Поэтому она приподняла брови, бесцеремонно взяла книгу в руку и похлопала его по лицу: "Извини, сегодня у меня нет времени. Я занята делами хорошей матери. Я пойду и расскажу Вэй Мину сказку на ночь. Ты можешь лечь спать один"

Хэ Сянь Ян нахмурился и коснулся своего носа. Чан Мань Цзин удивилась и сказала: "Что такое, я ударила тебя слишком сильно?"

А затем, прежде чем Хэ Сянь Ян сказал, что все хорошо, она нахмурилась и сказала первой: "Ты выглядишь так болезненно, когда тебя бьют книгой. Ладно, разве я не сказала, что сейчас у меня плохое настроение? Так что не надо меня больше раздражать"

Даже если её тон был невежливым, Хэ Сянь Ян сохранил нежное выражение лица. Словно боялся, что она рассердится, он по-доброму сказал: "Мань Цзин, я знаю, что у тебя плохое настроение, но я твой уж и надеюсь разделить немного твоей боли. Давай поговорим об этом. Вэй Мину уже 12. Зачем такому взрослому ребенку нужно, чтобы ты рассказывала ему сказки?"

"Я хочу почувствовать себя матерью, разве это плохо?!" - Чан Мань Цзин раздраженно махнула рукой: "Ладно, иди спать один. Завтра я повезу Вэй Мина к брату. У меня нет времени болтать с тобой"

Сказав это, она закрыла дверь, прошла мимо Хэ Сянь Яна и вошла в комнату Хэ Вэй Мина. Когда её фигура исчезла, нежное выражение лица Хэ Сянь Яна стало холодным. Раньше Чан Мань Цзин была просто высокомерной, но сейчас она все больше и больше отдалялась от него. Было ли это осознанным решением или отношением, которое, казалось, превосходило остальных, Хэ Сянь Ян был очень несчастен. В конце концов, он хотел, чтобы она была рядом, но не хотел служить ей, как раб.

Хэ Сянь Ян вернулся в свою комнату с усмешкой. Чан Мань Цзин, закрывшая дверь комнаты Хэ Вэй Мина, холодно улыбнулась. В своей прошлой жизни, когда вышла замуж за Хэ Сянь Яна, она изменила к нему свой нрав, и поприветствовала мать Хэ Сянь Яна, которая не видела ничего дальше своего носа. С самого детства её никогда не обижали, но она страдала из-за родителей Хэ Сянь Яна. Когда её обижали, она беспокоилась, что Хэ Сянь Ян не сможет ничего сделать. Поэтому ничего не сказала. Даже если это был Хэ Сянь Ян, она сдерживала свои эмоции. Она так сильно изменилась. Но её уступки изменились, ведь позже Хэ Сянь Ян раскрыл свое истинное лицо и раздраженно сказал: "Я терпеть не могу твой высокомерный нрав 'Юной Леди'"

Насколько смешной она была в своей прошлой жизни? Очень хорошо, в этой жизни она позволит Хэ Сянь Яну знать, насколько ужасен был её так называемый нрав юной леди.

Чан Мань Цзин обернулась и увидела, что Хэ Вэй Мин сидел за столом и читал. Он переоделся в новую пижаму и сидел с босыми ногами. Окна от пола и до потолка не были закрыты, лунный свет проникал из распахнутых окон, ветерок развевал занавески. В этой комнате царила тихая атмосфера, и напряженное и гневное настроение Чан Мань Цзин постепенно успокаивалось. Она подошла к Хэ Вэй Мину, положила книгу "Маленький Принц" на стол и посмотрела на то, во что он был погружен.

"Формулы? Разве это не тема третьего года? Как я помню, ты все ещё учишься на первом году", - Чан Мань Цзин потерла тонкие и мягкие волосы Хэ Вэй Мина: "Ты умный и трудолюбивый. Сегодня ложись спать пораньше. Завтра я отвезу тебя к дедушке и дяде"

"А ты знаешь, что если не ляжешь спать пораньше, то не станешь выше?" - сказала Чан Мань Цзин.

Хэ Вэй Мин, не издав ни звука, закрыл книгу. Не говоря уже о сопротивлении, он никогда не выражал своего нежелания. Он подошел к кровати и лег на тонкое одеяло.